

ИЗВЕСТИЯ .-1992.-
24 июня .- С. 3

Врачующая тишина Паустовского

Андрей ЗОЛОТОВ,
«Известия»

Сто лет — дата романтическая, а то и вовсе невероятная, коль скоро связывается она с человеком, которого мы хорошо знали и искренне любили, читали и вслушивались в музыку его речи. Так и хочется сказать: в музыку его стиха.

Проза Константина Паустовского, кажется, напоена ароматами и звуками, которые реют в воздухе. Живая проза Паустовского, вознесенная в пределы высокой искренности, обладает и могучей силой погружения в жизнь. Силой правдивой и естественной, сотканной из подлинного чувства и выстраданной красоты.

Константин Георгиевич родился сто лет назад, в последний майский день в Гранатном переулке в Москве. Это недалеко от нынешнего Дома литераторов на улице Герцена, где в первый летний вечер читатели и писатели вспоминали его и искали слова, приближающие нас к нему.

Тишина в зале соединяла присутствующих в их внутренней обращенности к трудному опыту жизни и такому знакомому облику большого русского писателя, никогда не претендовавшего на особое место в литературе, но обретшего его нравственным служением искусству и людям в родном Отечестве. Художественный авторитет Паустовского был незыблем. Ни пресловутые «властные структуры», ни профессиональная среда, нередко самолично навязывающая публике «первых лиц» по каким-то своим соображениям, не торопились облегчить жизненные тяготы этого уникального во всех отношениях человека Искусства. Сам же он чутко ощущал и осознавал ту невидимую, внутренне переживаемую границу между искусством и жизнью, которую нельзя преступать, если художник хочет остаться художником, оказавшись в непосредственном соприкосновении с жизнью.

Паустовский жил в природе, понимал человека как сокровенную часть ее и растворял самого себя в мире и людях. Его отзывчивость и способность понять другого человека и другого художника, будь то Исаак Левитан или Эрнест Хемингуэй (о нем в июле 1961 года он опубликовал прощальные слова в «Неделе»), возникали из его художественной нравственности и человеческой чистоты, исключавших любые «выбросы» гордыни...

Летом 1964 года «Известия» опубликовали «Ильинский омут» Паустовского. За этим нежным его сочинением ездили мы с Михаилом Хитровым, литературным критиком нашей газеты в то время, к Константину Георгиевичу в Тарусу. Незабываемое общение, ликование духа, оттого, что ведем в газету сокровище. Тогда впервые напечатаны были на газетном листе и вот эти строки: «Я полюбил Францию давным-давно. Сначала умозрительно, а потом вплотную, всерьез. Но я не мог бы ради нее отказаться даже от такой малости, как утренний шафранный луч солнца на бревенчатой стене старой избы. Можно было следить за движением луча по стене, слушать голосистые вопли деревенских петухов и невольно повторять знакомые с детства слова: На святой Руси петухи кричат, — Скоро будет день на святой Руси... Нет! Человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца».

Словам Паустовского и сегодня законное место на этой известинской полосе и неизбывный ростор в душе нашей.